

ЧАСТНООЦЕНОЧНЫЕ СМЫСЛЫ: КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВЫ И ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ

Оценка, формируемая в сознании человека как некий личностный смысл, находящий свое языковое воплощение, должна исследоваться не только в аспекте языковых средств реализации и их функционирования (что широко представлено в рамках функционально-семантического подхода), но и в аспекте смыслообразования – процесса когнитивной деятельности человека, определяющего поиск адекватных лингвистических решений. Настоящее исследование посвящено изучению оценки в немецком языке на материале немецкоязычной художественной прозы. Данный феномен исследуется с позиций когнитивной лингвистики как результат взаимодействия совокупности концептуальных областей, моделирующих оценочный смысл, и описывается исходя из выработанной автором когнитивной матрицы. Когнитивно-матричный анализ позволяет объяснить разнообразие оценочных смыслов, в том числе и реализующихся в частнооценочных предикатах. Последние противопоставляются предикатам общей оценки как совмещающие в семантической структуре оценочный и дескриптивный компоненты. Детальному анализу подвергаются оценочные смыслы, формирующиеся на основе предикатов эстетической, этической и нормативной оценки. Оценочное смыслообразование описывается в названных случаях как процесс выделения в объекте ценностного признака, соотносимого со стереотипным представлением о красоте, этическими и др. нормами как концептуальными областями. Своеобразие сенсорно-вкусовых оценок связывается с выделением ценностного признака безотносительно к концептуальным областям матрицы, а его непосредственной зависимостью от «Я» субъекта, его сенсорного опыта. На периферии частной оценки находятся лексические единицы, называющие черты характера человека в силу закрепления в культурном сознании за тем или иным свойством знака «+» или «-». Их периферийный статус обусловлен увеличением доли дескриптивной семантики в общей структуре значения, правомерность их отнесения к оценочным – статусом оценочного компонента в семантической структуре как типичного, постоянного, подразумеваемого по умолчанию, а не актуализирующегося исключительно под влиянием контекста.

Ключевые слова: оценка, концепт, смысл, частная оценка, этическая оценка, эстетическая оценка, нормативная оценка, сенсорно-вкусовые оценки.

Оценка, исследуемая и в категориальном, и в концептуальном плане, представляет собой значительную сложность для лингвистического описания. Относясь одновременно и к сфере ментального, и к языку, она имеет самые различные формы своего воплощения, полное описание которых едва ли возможно, поскольку в реальной коммуникации оценка далеко выходит за границы когда-то очерченного для нее круга обще- и частнооценочных предикатов. Аналогично тому, как оценочное отношение человека пронизывает всю сферу его существования, оценка в языке может проявляться в любом слове, отдельном высказывании, целостном тексте.

Оценка мыслится нами как результат интерпретации, или вторичного осмысления окружающего мира, и представляет собой знание о ценностных характеристиках объектов реальной действительности. Язык фиксирует это знание в семантике языкового знака, структурируя его (знание) согласно ценностям и нормам соответствующего культурного общества. В то

же время можно утверждать, что любое восприятие окружающей действительности, даже в его первичной форме, является источником знания, имеющего личностный смысл, значимый с позиции «для меня – здесь – сейчас». Процессы концептуализации и категоризации этого знания протекают на основе уже существующих в языковом сообществе культурно-специфических ценностей и норм. Это обстоятельство предопределяет включенность оценки (как личностного смысла) во все процессы концептуализации. Данная особенность оценки, а именно возможность быть представленной в семантике слова не только в виде дискретного, эксплицитного, выделяемого вне контекстуальных связей слова компонента, но и быть диффузным содержанием, актуализируемым лишь в определенном контексте в силу имеющихся ассоциативных и другого рода связей, объясняет возможность использования фиксирующих это знание языковых единиц в функции оценки даже при дескриптивном характере их семантики.

Оценка представляет собой концепт интегративного характера, поскольку как знание характеризуется многоаспектностью и как таковая должна рассматриваться исходя из тех аспектов/ факторов, которые влияют на ее формирование. Конфигурация знаний, лежащих в основе оценочных концептов, определяется, с одной стороны, коллективными факторами: культурным знанием о ценностях, нормах, знанием стереотипов, – а с другой, – индивидуальными: опытом, личностными мотивами, целями, перспективой оценки. Данные факторы суть концептуальные области, моделирующие в зависимости от экспликации вид оценочной семантики. Описание этой семантики должно, таким образом, осуществляться с учетом всех участвующих в процессе формирования оценочных концептов факторов. Одним из методов, удовлетворяющих данному условию, является когнитивно-матричный анализ, в основе которого лежит процедура соотнесения семантики с некоторой матрицей, структурными компонентами которой выступают выявленные факторы/параметры, суть концептуальные области. Предлагаемая нами когнитивная оценочная матрица представлена на рисунке 1.

Среди концептуальных областей, или когнитивных контекстов (по Н.Н. Болдыреву [Болдырев, 2014, с. 58–62]), определяющих формирование оценочного знания, нами выделяются, как видно из матрицы, **объект оценки**, **ценностный признак**, приписываемый объекту (вычлняемый в объекте) на основе соотношения его с **другими объектами**, **классом-эталон**, **нормами и стереотипами**, отражающими в итоге ценностные установки общества и определяя место объекта на **шкале оценки**. Составляя ядро оценочной структуры, данные концептуальные области формируют

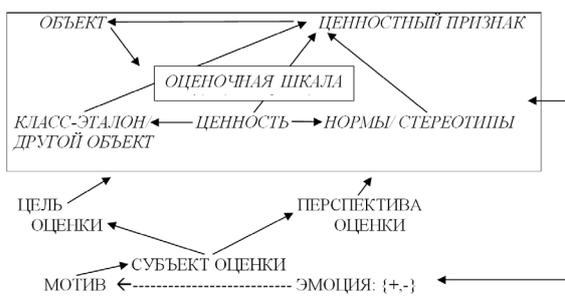

Рисунок 1 – Когнитивная матрица оценки

наиболее типичные, или прототипичные в своей основе, оценочные концепты.

Концептуальная зона **субъекта оценки**, включающая такие концептуальные области, как **цель** оценки, **перспектива** оценки, **мотив** оценочной деятельности и **эмоцию**, определяет специфику оценочных концептов периферийного статуса. Оценка в них отличается различной степенью скрытости/имплицитности в результате выдвижения на передний план области субъекта.

Нами выделяются три типа или способа представления оценки на ментальном уровне: оценка может быть представлена как некий **признак** объекта, заключаться в **образе**, с помощью которого описывается некий объект, или быть локализованной в некоторой **ситуации**, или ситуативной модели, не имея «дискретизации» на уровне отдельной лексической единицы [4].

В рамках данной статьи обратимся к первому типу оценочных концептов – оценочности признакового типа и именно к частной оценке.

Выделение признака в объектах и явлениях окружающего мира является одним из основополагающих когнитивных механизмов, без которого невозможны процессы категоризации и концептуализации. Приписывание объекту ценностного признака и определение его места на оценочной шкале есть основополагающая процедура формирования оценочных концептов «признакового» типа.

Поиск места объекта на оценочной шкале определяется соотношением ценностного признака с имеющимися в обществе нормами, эталонами, стереотипными представлениями, в целом – ценностными установками.

Исследование оценочных концептов проводилось нами на материале немецкоязычной художественной прозы.

Систематизация оценочных предикатов, реализующих в языке концепт **ОЦЕНКА-ПРИЗНАК**, осуществлялась по принципу преобладания – убывания в семантике слова оценочного элемента. В описании семантики оценочных предикатов мы основывались на положениях теории фреймовой семантики и ее модели. Таким образом, в начале списка оказались общеоценочные предикаты, оценочный элемент которых является единственным, а значит, типичным, в их фреймовой структуре.

За ними следуют частнооценочные, для которых характерно «существование» оценочного и дескриптивного(ых) элементов, при этом оценочный компонент семантики имеет статус типичного, стандартного элемента. Первым двум группам противостоят контекстуально-оценочные предикаты, дескриптивные вне контекста, но также способные выполнять в речи оценочную функцию и служить средством формирования оценочных смыслов, однако лишь при соответствующей актуализации оценочного элемента в семантике слова, который относится не к типичным, а к вариативным.

Как известно, предикаты общей оценки характеризуются прагматической зависимостью от объекта оценки и, как следствие информативной недостаточностью (ср.: *хороший* и *хороший хлеб*). Информативная недостаточность общей оценки сменяется различной степенью конкретизации в оценке частной, основанной на выделении в объекте конкретного аспекта. На уровне семантики это выражается в увеличении доли денотативного (дескриптивного) содержания, что снижает прагматическую зависимость оценочных смыслов, образующихся на основе частнооценочных предикатов. Фреймовая структура частнооценочных предикатов включает, таким образом, в большей или меньшей степени дескриптивный компонент, указывающий на то или иное *свойство* объекта, которое в ходе развития общества получило определенную оценку и теперь неразрывно с ней связано.

Анализ показал, что ближе всего к общеоценочным предикатам в этом отношении находятся предикаты **эстетической оценки**, поскольку признак, выделяемый в объекте оценки не отличается определенностью и конкретностью. Его можно было бы сформулировать как *вызывающий эстетическое наслаждение*. Близость к общеоценочным предикатам подтверждается в немецком языке тем, что некоторые из предикатов эстетической оценки, такие как *schön* (красивый, прекрасный), *herrlich* (великолепный), *wunderschön* (чудесный, прекрасный) часто выполняют функцию предикатов общей оценки.

В основе формирования эстетической оценки лежит процесс соотнесения объекта с имеющимся у субъекта **стереотипным представлением** о красоте. Следовательно, понимание оценочного смысла, выражаемого

предикатами эстетической оценки, возможно только при знании данных стереотипов. А так как стереотипы такого рода часто представляют собой не только сугубо национальные, а часто исключительно индивидуальные когнитивные контексты, то большинство эстетических оценок требуют своей подробной экспликации. Именно поэтому за обозначением человека как красивого/ некрасивого в художественной литературе следует, как правило, детальное описание его внешности или конкретизация тех или иных черт внешности.

(1) „*Und dadurch ist ihr Mund besonders ausgesetzt gewesen, ein schöner, ein bildschöner Mund, schwermutig, rein, ich kann ihn nicht beschreiben, ich habe geschaut und geschaut.*“ (Bis bald, S. 223) (подчеркнуто – экспликация ценностного признака). (И тем самым ее рот очень выделялся, красивый, картинно красивый рот, печальный, четко очерченный, я не могу его описать, я смотрел и смотрел.) (перевод – мой).

В необходимости эксплицировать смысл оценки, конкретизировать ее дескриптивными характеристиками, как это показано на примере (1), проявляется, как уже указывалось выше, близость предикатов эстетической оценки к общеоценочным предикатам. В противном случае из-за неопределенности самого признака, его сильной зависимости от «Я» субъекта, адресату достаточно сложно бывает определить, что стоит за соответствующим предикатом. При этом, как и в общей оценке, информативная недостаточность снимается более узким набором аксиологически релевантных признаков, в результате чего ценностный признак достаточно однозначно эксплицируется ситуацией:

(2) „*Die schlanke Helen, ihre schönen Beine, die machten dich verrückt.*“ (Hannah, S. 41). (Стройная Хелен, ее красивые ноги, они сводили меня с ума.) (перевод – мой).

В данном случае можно, пожалуй, говорить о контекстуальном сужении, или конкретизации семантики оценочного предиката за счет объекта оценки (красота ног в европейской культуре определяется более четко, нежели красота лица).

Семантически более узкими являются предикаты, называющие признаки, содержание которых относительно точно определено в социу-

ме, что можно наблюдать на примере предикатов *elegant* (элегантный), *zierlich* (изящный), *fein*¹ (изысканный, утонченный), *armselig* (убогий, нищенский, жалкий) и тем более предикатов, описывающих конкретные детали внешности – *stattlich* (статный) *stramm* (крепкий, подтянутый), *gutgeformt* (хорошо сложенный, красивой формы), *schlaksig* (долговязый) и т. п.:

(3) „*Mama, die von der Großmutter Koljaiczek die stattliche, füllig stramme Figur <...> mitbekommen hatte, <...>*“ (Die Blechtrommel, S. 75) (Мама, получившая от бабушки Коляйчек статную, крепкую и подтянутую фигуру, <...>) (перевод – мой).

(4) „<...> *sie leben, weil es Penicillin gibt, das ist alles, ihr Getue dabei, als wären sie glücklich, weil Amerikaner; weil ohne Hemmungen, dabei sind sie nur schlaksig und Laut-Kerle wie Dik, <...>*“ (Homo faber, S. 176) (<...> они живут, потому что есть пенициллин, вот и все, и ведут себя, словно счастливы, потому что американцы, потому что без комплексов, при этом они всего лишь долговязые крикуны, как Дик, <...>.) (перевод – мой).

Шкала эстетической оценки имеет два полюса. Антиподом признака, получающего положительную оценку является признак, который можно было бы сформулировать как вызывающий в эстетическом отношении отвращение. Формулировка этого признака показывает, что значимой для формирования оценочного смысла в данном случае является, в том числе и эмоция как концептуальная область. Это объясняет постоянство в семантике отрицательных предикатов эстетической оценки (*hässlich* – уродливый, страшный) *эмотивного компонента*, который в семантической структуре прилагательного *schön* является вариативным. Широкий контекст позволяет всегда достаточно четко эксплицировать эмоцию отвращения:

(5) „*Die Menschen sind hässlich. Wenn ihre nackten Körper nicht lügen, so nur deshalb, weil es misslingt, weil sie sich verraten, ihren Neid und ihre Bösigkeit, all das Verschlagene, die fade Hässlichkeit <...>*.“ (Der Bademeister, S. 144) (Люди уродливы. И если их голые тела не лгут, то только потому, что им не удается, потому что

они выдают себя, свою зависть, свою злость, все коварное, бесцветную уродливость <...>) (перевод – мой).

Высокая, почти предельная интенсивность признака, выражаемого прилагательным *hässlich*, обуславливает при употреблении с данным словом усилительной частицы обратный эффект: так, *grottenhässlich* (*grotten* – является усилительной частицей: **пещерно уродливый*) выражает, как это свойственно большинству гипербол, скорее иронию, нежели действительное отвращение:

(6) „*Doch als zuerst auf den Fotos und dann in echt Joggi...*

...der alles andere als ein Rassenhund war.

...eher ne typische Promenadenmischung.

...dazu grottenhäßlich...

...aber trotzdem ein ganz besonderes Hündchen gewesen ist. Das fanden alle, sogar ihr Jungs manchmal.“ (Die Vox, S. 24).

(Сначала на фото, а потом в реальности Джогги...

... был чем угодно, только не породистой собакой.

... скорее типичной уличной помесью.

... при этом страшно уродлив (пещерно уродлив)...

... но несмотря на это был совершенно особым песиком. Так считали все, даже иногда вы, мальчишки.) (перевод – мой).

Эта особенность является закономерной, что объясняется комичностью гиперболических образов, не находящих соответствия в действительности. Предельная интенсивность признака приводит при ее дальнейшем усилении в средствах языкового выражения часто к обратному эффекту. Это наблюдается, кстати, и при положительной оценке:

(7) „*Zu dieser süßniedlichen, entzückend gemütlichen, <...> Behausung fällt mir nur eine Erklärung ein: Gretchen Scheffer hatte keine Kinder, <...>*.“ (Die Blechtrommel, S.66). (Для этого сладко-милого, восхитительно уютного жилища я нахожу только одно объяснение: у Гретхен Шеффер не было детей.) (перевод – мой).

Спецификация оценочных средств определяется активизацией той или иной концептуальной области (или на уровне восприятия – акту-

¹ Прилагательное *fein* используется для обозначения как эстетических, так и сенсорно-вкусовых оценок. Именно близость этих сфер, как основывающихся на восприятии органами чувств, обуславливает, на наш взгляд, и указанную полисемию, а иногда и сложность определения типа оценки.

ализацией когнитивного контекста оценочной ситуации). В этом отношении **этическая оценка** есть результат соотнесения объекта (чаще всего человека, его слов, поведения и т. п.) с принятой в обществе **нормой**: «положительная этическая оценка в общем случае требует ориентации на этическую норму, соблюдение нравственного кодекса, то есть большего или меньшего количества правил и заповедей» [1, с. 199]. При этом следует заметить, что сами этические нормы в большинстве случаев определяются существующими в обществе ценностями: добро и зло, чуткость и бессердечность, преданность и предательство, щедрость и жадность и т. п. представляют собой существующие во всем мире ценности и антиценности. Ценности и антиценности рассматриваются нами как часть знаний, которыми обладают члены некоторого сообщества и которые детерминируют их отношение к тем или иным событиям, действиям, явлениям и т. п.

Соответствие или несоответствие этической норме обуславливает полярный характер этических оценок, лишенных, как правило, промежуточного варианта. В данном случае говорят об одновекторности оценочной шкалы: нулевая отметка соответствует норме и фиксирует положительную оценку, отклонение от нормы существует лишь в одну сторону и представлено вариантами отрицательной оценки. В этом этические оценки отличаются от эстетических², и именно этим объясняется возможность градуирования признака в области положительной эстетической оценки (*gutaussehend* – хорошо выглядящий, *attraktiv* – привлекательный, *hübsch* – симпатичный, *schön* – красивый, *wunderschön* – прекрасный, *reizend* – очаровательный) и невозможность этого в сфере положительной этической. Такие предикаты, как *gut* (добрый), *gutherzig* (добросердечный), *gutmutig* (добродушный); *brav* (славный, послушный), *höflich* (вежливый); *anständig* (порядочный), *ehrenhaft* (порядочный, достопочтенный), *ehrlich*³ (честный) и др. являются в своих группах синонимами, но не выражают степень интенсивности признака. Наличие же отрицательного вектора и

возможность «продвижения» по нему обуславливают определенную градацию отрицательной этической оценки: *ehrlos* (нечестный) *infam* (гнусный, подлый) *schändlich* (бесчестный, постыдный, гнусный).

Отличие этических оценок от других типов заключается еще и в том, что они «непосредственно воспринимаются и переживаются самим оценивающим субъектом как *над-* или *внесубъективные* по своим основаниям и критериям, и в этом смысле объективные» [3 с. 22]. В данном случае оценивающий субъект исходит из общих, общественно закрепленных представлений о добре и зле, о хорошем и плохом, которые и формируют определенные этические нормы.

Именно поэтому интерпретация содержания предикатов этической оценки, особенно наиболее общего характера, таких как *anständig*, *gemein*, *unanständig* (порядочный, подлый, непорядочный) требует от понимающего обязательного знания принятых в данном обществе этических норм, то есть знания соответствующего когнитивного контекста, который может несколько отличаться от культуры к культуре (ср. понятие порядочности женщины в европейских и азиатских культурах). В связи с этим названные предикаты часто дополняются в тексте пояснениями, как и в случае положительных эстетических оценок общего характера.

(8) „*Warum fällt mir jetzt Konrad ein? Der war anständig, sage ich, der konnte nichts gegen seine Überzeugung tun. Nicht mal etwas gegen seine Überzeugung sagen.*“ (Leibhaftig, S. 34) (Подчеркнуты места, эксплицирующие понятие порядочности в данном высказывании.) (Почему мне сейчас пришел в голу Конрад? Он был порядочным, скажу я, он ничего не мог сделать против своих убеждений, Даже что-то сказать против своих убеждений.) (перевод – мой).

Понимание оценочных смыслов, образуемых на основе таких лексических единиц, как *anständig*, *gut*, *gemein*, выражающих общую этическую оценку, предполагает обращение к основанию оценки, или иными словами, выявление признаков, которые релевантны для вынесения

² Несмотря на существующие в обществе идеалы красоты «положительная эстетическая оценка исключает строгую нормативность. Эстетическое чувство не может быть удовлетворено стандартом» [Арутюнова, 1999, с. 199].

³ Речь в данном случае идет не о сравнительных конструкциях, типа *er ist höflicher, anständiger* и т. п., а о ситуации, когда сам признака мыслится с различной степенью интенсивности.

соответствующей оценки (ср.: *порядочный, то есть обладающий такими качествами характера, как честность, правдивость, справедливость, верность, искренность, надежность* и т. п.). Признаки (в данном случае качества характера – четность, справедливость, верность и т. п.), положенные в основу этих оценок и им подобных, также являются ценностными, поскольку за ними в ходе развития общества закреплен совершенно конкретный знак «+» или «-». Соответствующие языковые выражения также функционируют в речи как оценочные: *ehrlich* (честный), *aufrichtig* (искренний), *treu* (верный), *zuverlässig* (надежный) и т. п. Называя конкретные качества, данные предикаты выполняют дескриптивную функцию, ее совмещение с оценочной обусловлено тесной связью дескриптивного и оценочного компонентов в семантике слова, разделение которых осуществляется лишь с целью научного анализа:

(9) „*Sie waren ganz tückisch, Frau Karpfe und der Hausmeister.*“ (Der Bademeister, S. 35) (Они были очень коварны, госпожа Карпфе и завхоз.) (перевод – мой).

Норма является определяющей концептуальной областью и для предикатов **нормативной оценки**, таких как *richtig* (правильный), *korrekt* (правильный, корректный), *regelmäßig* (в значении правильный, соответствующий правилу), *falsch* (неправильный, ложный, фальшивый), *verkehrt* (неправильный, превратный) и т. п. Как и в случае с этическими оценками, норма совпадает здесь со знаком «+».

Являясь в первую очередь категорией социума, а не отдельной личности, норма задает высокую социальную обусловленность нормативных оценок. Именно поэтому их экспликация в рамках родной культуры или сферах, регулируемых общечеловеческими нормами (см. (10), не представляет особой сложности, но они, безусловно, имеют место быть, если речь идет о чужой, незнакомой культуре или в случае слишком широкой семантики признака предмета (11). Тогда правильная интерпретация оценочного содержания предполагает знание соответствующего когнитивного контекста (подчеркнуто).

(10) „*Ich sang beherzt, aber falsch, und Arnold sehr musikalisch, aber mit Textschwierigkeiten.*“ (Hannah, S. 94) (Я пел смело, но фальшиво, а Ар-

нольд – очень музыкально, но, забывая текст.) (перевод – мой).

(11) „*So, allmählich würde aus ihr wieder ein richtiger Mensch. Kein Lebenselixier gelangt mehr in ihre Adern. Sie muß sich schon ein wenig aufrichten lassen und selber die Suppe löffeln.*“ (Leibhaftig, S. 166) (Так, постепенно она вновь становилась настоящим человеком. Никакой жизненный эликсир больше не поступает в ее вены. Она должна уже немного подниматься и сама работать ложкой.) (перевод – мой).

Когнитивно-матричный анализ оценочных смыслов позволил также выявить лексические единицы, оценочное значение которых формируется безотносительно к когнитивным областям ядерной зоны (см. матрицу). Объясняется это обстоятельство абсолютной «индивидуальностью» этих оценок, их зависимостью от «Я» субъекта в силу того, что возникают они, как правило, на основе исключительно личных ощущений. Данное свойство относится в первую очередь к **сенсорно-вкусовым оценкам**. Оценка в данном случае формируется в процессе выделения ценностного признака на основе собственного сенсорного опыта. Эти оценки не имеют основания, или, как подчеркивает Н.Д. Арутюнова, обычно не мотивируются [1 с. 199].

(12) „*<...> sie wird sich darauf konzentrieren, diese ekelhaft schmeckende Flüssigkeit herunterzuschlucken.*“ (Leibhaftig, S. 38) (Она сконцентрируется на том, чтобы сглотнуть эту отвратительного вкуса жидкость.) (перевод – мой).

В данного рода оценках, признак, выделяемый в объекте, **напрямую** связан с когнитивной областью **субъекта** оценки, что и определяет значимость данной концептуальной области и близость оценок этого типа к аффективным (13), формирующимся на основе исключительно эмоционального отношения субъекта оценки к воспринимаемому объекту.

Ср.: (13) „*Ich sah überall abstoßende Hinterköpfe auf dürren Hälsen oder auf verspeckten Hälsen, überall sah ich die schauderhaftesten Ohren, <...>.*“ (Bis bald, S. 8) (Я увидел отвратительные затылки на тощих шеях или шеях, заросших салом, повсюду я видел ужасные уши, <...>) (перевод – мой).

Принадлежность оценочного предиката к типу сенсорно-вкусовых оценок часто определяется глаголом, указывающим на соответствующую

щую зону – *schmecken* (быть каким-либо на вкус), *riechen* (пахнуть); сами же предикаты за исключением таких, как *schmackhaft* (вкусный), *lecker* (вкусный, аппетитный) *duftend* (благоухающий) и т. п. относятся в большинстве своем к категории общеоценочных (*es schmeckt/ riecht ausgezeichnet/ wunderbar/ ganz schlecht* – пахнет *отлично/ чудесно/ совсем плохо*) или к аффективным, называющим определенную эмоцию (*ekelhaft* – *отвратительный*, *schrecklich* – *ужасный*).

К группе немотивированных оценок Н.Д. Арутюнова относит также психологические оценки, которые, исходя из предпринятого нами матричного анализа, являются неоднородной группой. Такие предикаты, как *interessant* (интересный), *spannend* (увлекательный), *langweilig* (скучный), относимые Н.Д. Арутюновой к интеллектуальным оценкам [1, с. 198], являются немотивированными, поскольку не соотносятся ни с нормами, ни со стереотипами, а являются результатом исключительно индивидуальной оценки. Однако лексические единицы, дающие оценку **интеллектуальных способностей** человека, его действий, мыслей, слов с точки зрения человеческого разума (относимые Н.Д. Арутюновой к той же группе), представляют собой результат соотнесения с имеющимися в обществе **стереотипами**:

(14) „*Es ist doch ein absurder Gedanke, einem Menschen eine Tat zu unterstellen, den man sechzig Jahre kennt.*“ (Hannah, S. 70) (Но это ведь абсурдная мысль – приписывать поступок человеку, которого знаешь 60 лет.) (перевод – мой).

В сфере положительной оценки интеллектуальных способностей человека (*klug* – умный, *intelligent* – умный, обладающий высоким интеллектом, *begabt* – талантливый, *witzig* – остроумный, *geistreich* – одухотворенный, *gescheit* – сообразительный, смысленный) выражение оценочного отношения не предполагает обязательного выражения эмоционального отношения. Эмотивность определяется в данном случае наличием переживаемой эмоции и целью оценочного высказывания: желает говорящий лишь констатировать наличие данного свойства в объекте (14) или же выразить свое восхищение интеллектуальными способностями объекта оценки (15).

(14) „*<...> ich <...> wuchs seit meinem dritten Geburtstag keinen Fingerbreit mehr, blieb*

der Dreijährige, aber auch Dreimalklug <...>“ (Die Blechtrommel, S. 44) (<...> с трех лет я не прибавлял в росте ни на дюйм, оставался трехлетним, но и в три раза более умным <...>) (перевод – мой).

(15) „*Nun wohnte der bei uns, weil unsere Eltern der Meinung waren, „Ist hochbegabt! Aus dem wird bestimmt was...““*“ (Die Box, S. 79) (И жил он у нас, так как наши родители считали: «Высоко одаренный! Из него точно что-нибудь получится...») (перевод – мой).

В отличие от положительной оценки, предикаты отрицательной оценки (*dumm* – глупый, *einfältig* – простовытый, *beschränkt* – ограниченный, *aberwitzig* – сумасбродный, *verrückt* – сумашедший, *doof* – дурацкий, *blöd* – безмозглый, *blödsinnig* – идиотский, *stumpfsinnig* – тупоумный, *dämlich* – придурковатый и т. п.) в силу обозначения признаков, утверждение которых является обидным для человека, часто связаны с выражением эмоционального отношения, во всяком случае, всегда там, где объект оценки является непосредственным собеседником:

(16) „*Natürlich war mir klar, dass du mich provozieren wolltest, dennoch wurde ich wütend, ich schrie, polterte: deine Einsen in Mathe und Chemie sind die stumpfsinnigsten Einsen auf der Welt!*“ (Hannah, S. 13) (Конечно, я понимал, что ты меня хотел спровоцировать, и все же я взбесился и орал, бушевал: Твои пятерки по математике и химии самые тупоумные в мире!) (перевод – мой).

Анализ показал, что и в относительно спокойной речи, употребление лексических единиц, выражающих отрицательную оценку интеллектуальных способностей человека, исключает абсолютно нейтральное отношение говорящего. Это объясняется особенностями узуального употребления лексики данного типа: данные единицы обладают, как правило, грубой стилистической окраской (*doof, blöd, blödsinnig, dödelig*) или имеют такую тенденцию в силу нарушения говорящим при их употреблении определенных этических норм (максим вежливости по Грайсу). Употребление в речи этих лексических единиц всегда мотивировано отрицательными эмоциями, которые говорящий испытывает или испытывал по отношению к объекту оценки.

Если говорить о фреймовой структуре оценочных единиц этого типа, то дескриптивный

компонент семантики будет тесно связан с оценкой, имеющей здесь статус постоянного, типичного компонента, а в случае предикатов отрицательной оценки – с эмотивным компонентом, проявляющим тенденцию к постоянству. Усиление доли дескриптивного компонента в семантике такого рода оценочных предикатов соотносится с обыденным толкованием слов этого типа: в данном случае часто говорят о *свойствах* ума человека в отличие, например, от моральных *качеств* личности.

Слиянием дескриптивного и оценочного компонентов характеризуется семантика лексических единиц, обозначающих **черты характера человека** (*zänkisch* – склочный, *nachtragend* – злопамятный, *fidel* – веселый, живой, *kratzig* – сварливый, *rachgierig* – мстительный, *neidisch* – завистливый и т. п.). Такого рода предикаты нельзя однозначно отнести к предикатам этической оценки (см. выше), хотя и те, и другие относятся к характеру человека. Скорее всего, именно усиление дескриптивности в обозначенных выше предикатах является причиной разногласий ученых при отнесении этого типа лексических единиц к оценочным. Несмотря на значительные отличия этих ЛЕ от традиционно оценочных – предикатов общей и частной оценки, – считаем все же оправданным причисление их к средствам выражения оценки, так как оценочный компонент, однозначно присутствующий в их семантике, обуславливает наряду с описанием и со-выражение оценочного отношения говорящего к объекту речи:

(17) „*Und der Tischler mit dem Hinkebein hatte immer Zoff mit der Frau von der Wäscherei, die nicht nur zänkisch, sondern ne richtige Hexe war.*“ (Die Vox, S. 32) (А столяр с хромой ногой все время ругался с женщиной из прачечной, которая была не только склочной, но и настоящей ведьмой.) (перевод – мой).

(18) „*Dein Gedächtnis, sagt Nicole, ist fabelhaft, unglaublich. Leider ist es auch ein Elefantengedächtnis, du bist schrecklich nachtragend.*“ (Der Klavierstimmer, S. 419) (Твоя память, сказала Николь, фантастична, невероятно. К сожалению, это и очень хорошая память, ты ужасно злопамятен.) (перевод – мой).

(19) „*Ich machte Konversation mit allerlei Leuten, meistens mit Mister Levin, <...>, oder mit dem amerikanischen Geistlichen, Baptist aus*

Chikago, aber ein fideler Kerl –“ (Homo Faber, S. 74) (Я беседовал со всякими людьми, большей частью с мистером Левиным <...>, или с американским священником из Чикаго, однако веселым парнем.) (перевод – мой).

Интересный случай демонстрирует текстовый фрагмент (19), в котором оценочность имеет синкретичный характер. Оценка рождается здесь в результате слияния семантики составляющих словосочетание компонентов – *fidel* и *Kerl*, значение словосочетания не разложимо на значения составляющих. Причиной тому является процесс семантического осложнения, которому подвергаются обе ЛЕ под воздействием друг друга. Лексема *Kerl* является стилистически маркированной и как таковая всегда связана с оценкой. Однако оценочный компонент в семантике этого слова амбивалентен, то есть меняет свой знак в зависимости от синтаксического окружения: *ein guter Kerl* (хороший парень) – *ein blöder Kerl* (дурак). Прилагательное, определяя знак оценки всего словосочетания, в свою очередь испытывает воздействие со стороны семантики существительного: *Kerl* увеличивает интенсивность оценки в силу своего экспрессивного характера (выражение *ein guter Kerl* всегда выражает экспрессивную, эмоционально насыщенную положительную оценку, чем *ein guter Mensch*).

Безусловно, невозможно втиснуть все разнообразие оценочных средств в строгие рамки классификации, что в нашем случае и не являлось целью исследования. Когнитивная оценочная матрица и лежащая в ее основе теория концептуальных репрезентаций позволяют *объяснить* это разнообразие исходя из участвующих в основе формирования оценочного смысла концептуальных областей / когнитивных контекстов.

В рамках данной статьи была предпринята попытка показать зависимость специфики частнооценочных предикатов от тех или иных концептуальных областей, участвующих в формировании оценочного смысла. А именно: предикатов этической и нормативной оценки от принятых в обществе норм, предикатов эстетической оценки от стереотипного представления о красоте. Процесс формирования оценочного смысла может определяться и актуализацией субъективной зоны, а именно психофизиоло-

гическим восприятием объекта оценки и оказываемым им (объектом) действия на субъект (данное действие фиксируется в языковом знаке как соответствующий признак объекта), Несмотря на характерную для всех оценочных концептов субъективность (в широком смысле: оценка принадлежит субъекту), используемая нами матрица позволяет различать одни *оценки* как *объективные*, или *квазиобъективные* (предикат называет качество, присущее объекту), как в предикатах этической, эстетической, норматив-

ной оценки, и *оценки*, смысловое пространство которых определяется *областью субъекта* (а именно его реакцией). Приписываемый объекту оценки признак может не соотноситься ни с одной из когнитивных областей, а быть напрямую связан с субъектом оценки, лишаясь какого бы то ни было основания. Эта особенность характеризует, как было продемонстрировано выше, сенсорно-вкусовые оценки и некоторые из психологических оценок.

15.06.2017

Список литературы:

1. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – Москва: Языки русской культуры, 1999. – I – XV. – 896 с.
2. Болдырев, Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций / Н.Н. Болдырев. – М-во обр. и науки РФ, Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина, Рос. ассоциация лингвистов-когнитологов. – Тамбов: Издательский дом ТГУ, 2014. – 236 с.
3. Максимов, Л.В. О дефинициях добра: логико-методологический анализ / Л.В. Максимов // Логический анализ языка: Языки этики / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко, Н.К. Рябцева. – Москва: Языки русской культуры, 2000. – С. 17 – 30.
4. Солодилова И.А. Оценка: Концептуальные и языковые особенности реализации: монография/ И.А. Солодилова; Оренбургский гос. ун-т. – Оренбург: ОГУ, 2015. – 482 с.

Список литературных источников:

1. Frisch M. Homo faber. – Frankfurt a. Main: Suhrkamp Verlag, 1977. – 203 S.
2. Grass G. Die Blechtrommel. In: Grass G. Danziger Trilogie. 3. Auflage. – München: Deutscher Taschenbuchverlag, 1999. – S. 5 – 447.
4. Grass G. Die Box. Ungekürzte Lizenzausgabe. – Göttingen: Steidl Verlag, 2008. – 215 S.
5. Hacker M. Der Bademeister. – Frankfurt a. Main: Suhrkamp Verlag, 2006. – 207.
6. Mercier P. Der Klavierstimmer. 14. Auflage. – München: Verlag in der Verlagsgruppe Random House GmbH, 2000. – 509 S.
7. Mueller-Stahl A. Hannah. 2. Auflage. – Berlin: Taschentuchverlag GmbH, 2006. – 134 S.
8. Werner M. Bis bald. 11. Auflage. – München: Deutscher Taschenbuchverlag, 2009. – 223 S.
9. Wolf Ch. Leibhaftig. Erste Auflage. – Frankfurt a. Main: Suhrkamp Verlag, 2009. – 178 S.

Сведения об авторе:

Солодилова И.А., декан факультета филологии Оренбургского государственного университета,
доктор филологических наук, доцент
460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13, e-mail: solodilovaira16@gmail.com